

УДК 343.1

РАЗРАБОТКА УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В XVIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА: БОРЬБА ЗА САМОБЫТНОСТЬ РУССКОГО ПРАВА

© 2024 г. А. И. Чучаев

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: moksha1@rambler.ru

Поступила в редакцию 16.09.2024 г.

Аннотация. В статье дана характеристика деятельности уложенных (кодификационных) законодательных комиссий в России XVIII – начала XIX в., проанализированы попытки построения кодексов на основе зарубежного законодательства, в частности голландского и шведского, вопреки исторической преемственности и национальной самобытности российского уголовного права; подробно показана работа над проектом Уголовного уложения 1813 г., представлены особенности его архитектуры, а также значение для дальнейшего развития уголовного законодательства и уголовно-правовой доктрины; раскрыты причины неудач всех комиссий, работавших на протяжении более века.

Ключевые слова: Соборное уложение, законодательство, кодификация, уложенные комиссии, проект Якоба, проект Яценкова, проект Уголовного уложения 1813 г., особенности структуры, значение.

Цитирование: Чучаев А. И. Разработка уголовного законодательства в XVIII – первой четверти XIX века: борьба за самобытность русского права // Государство и право. 2024. № 12. С. 172–185.

Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтom государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

DOI: 10.31857/S1026945224120168

DEVELOPMENT OF CRIMINAL LAW LEGISLATION IN THE XVIII – FIRST QUARTER OF THE XIX CENTURY: THE STRUGGLE FOR THE IDENTITY OF RUSSIAN LAW

© 2024 A. I. Chuchayev

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: moksha1@rambler.ru

Received 16.09.2024

Abstract. The article describes the activities of the established (codification) legislative commissions in Russia of the XVIII – early XIX centuries, analyzes attempts to build codes based on foreign legislation, in particular Dutch and Swedish, contrary to the historical continuity and national identity of Russian criminal law; shows in detail the work on the draft Criminal Code in 1813, presents the features of its architectonics, as well as the importance for the further development of criminal law and criminal law doctrine; the reasons for the failures of all commissions that have been working for more than a century are revealed.

Key words: Cathedral Code, legislation, codification, laid down codes, Jacob's project, Yatsenkov's project, draft Criminal Code of 1813, features of the structure, meaning.

For citation: Chuchayev, A.I. (2024). Development of criminal legislation in the XVIII – first quarter of the XIX century: the struggle for the identity of Russian law // *Gosudarstvo i pravo*=State and Law, No. 12, pp. 172–185.

The publication was prepared within the framework of the scientific project (grant) “Creation of a Russian historiographical model of political and legal knowledge and its application for the development of promising means of countering ideological distortions of the civilizational development of Russia”, carried out by the Federal State Budgetary Institution of Science, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences with financial support from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement dated 12 July 2024, No. 075-15-2024-639).

Причины кодификационных работ в России XVIII – первой четверти XIX в. К XVIII в. в Российской Империи накопился большой массив законодательного материала, характеризующегося хаотичностью, противоречивостью, непоследовательностью. Более того, «большая часть законодательства, считавшегося действующим, вообще была неизвестна государственным органам, судам, учреждениям, населению, особенно находящимся вне Петербурга и Москвы. И хотя с изданием Соборного уложения 1649 г. в России было начато опубликование законов в печатном виде, но еще долгое время большое число указов распространялось в рукописном виде. Кроме того, печатные экземпляры рассылались на места в малом количестве экземпляров и, поскольку в губерниях не было типографий, там переписывались от руки. С последней четверти XVIII в. стали издаваться отдельные сборники и журналы, как официальные, так и неофициальные. Однако и они не отличались требуемой полнотой и достоверностью»¹.

¹ Кодан С. В., Тараборин Р. С. Несостоявшаяся кодификация гражданского законодательства России. 1800–1825. Екатеринбург, 2002. С. 13; Тараборин Р. С. Систематизация гражданского законодательства Российской империи: первая половина XIX века: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С. 13.

При характеристике состояния законодательства рассматриваемого периода необходимо также иметь в виду делопроизводство в сфере законотворческой деятельности. По сложившейся практике императорские указы и иные акты после их утверждения императором сразу направлялись в приказы и коллегии, являвшиеся ответственными за их исполнение. При этом не было даже реестра издаваемых нормативных правовых актов, фактически они не регистрировались, следовательно, и не учитывались. Лишь в 1802 г. было предписано направлять в Правительствующий Сенат копии всех указов, получаемых ведомствами и государственными чиновниками. Однако и эта мера не внесла существенных изменений в положение дел².

Проблему могла решить только кодификация законодательства, поскольку именно она, и ничто другое, признается воплощением «правовой архитектуры; он (общий план кодекса. – А. Ч.) знаменует желание выставить на всеобщее обозрение основные элементы, вокруг которых будет строиться соответствующая область права»³. Являясь наиболее

² См.: Шебанов А. Ф. Полное собрание законов Российской империи // Труды ВЮЗИ. М., 1970. Т. XIV. С. 279.

³ Кабриак Р. Кодификации / пер. с франц. и вступ. статья Л. В. Головки. М., 2007. С. 362.

сложным видом систематизации законодательства, кодификация позволяет привести в систему ранее принятые нормативные правовые акты путем их интегрирования в единое, логически завершенное цельное объединение, содержащее упорядоченную совокупность взаимозависимых предписаний. В процессе кодификации происходит исключение устаревшего правового материала, устранение противоречий в правовом регулировании, формирование новых норм, обеспечивается внешняя и внутренняя системность отрасли права.

Необходимость кодификационных работ вообще и кодификации уголовного законодательства в частности убедительно обосновал М.М. Сперанский⁴.

Создание и деятельность законодательных комиссий. Состояние российского законодательства вызывало беспокойство и у представителей верховной власти. В связи с этим создавались т.н. кодификационные комиссии как временные коллегиальные органы, задачей которых являлась кодификация узаконений, вступивших в силу после Соборного уложения 1649 г.

В литературе приводятся разные сведения о количестве таких комиссий. Палата об Уложении, учрежденная Петром I в 1700 г., явилась первой из них. Указом от 18 февраля 1700 г. на комиссию возлагалась обязанность составить из материалов Соборного уложения и актов, принятых после него, Новоуложенную книгу. В июле 1701 г. Палата завершила свою работу, даже был подготовлен проект царского манифеста о введении Новоуложенной книги в действие, но Петр I отклонил их из-за имевшихся существенных недостатков. В 1703 г. был представлен новый вариант кодификации законодательства, но и он не получил одобрения

со стороны монарха. Как отмечает В.Н. Латкин, основная причина заключалась в том, что «обнаружились значительные неисправности в его составлении, выразившиеся в пропуске многих указов и новоуказных статей, оставшихся, таким образом, несведенными с прежним уложением»⁵.

15 июня 1714 г. Указом Петра I в составе Правительствующего Сената была создана новая комиссия, которой, как и прежней, поручалось провести кодификацию действующего законодательства, согласовав его с Соборным уложением. В связи с этим предписывалось «судьям всякие дела делать и вершить все по Уложению, а по новоуказным пунктам и сепаратным указам отнюдь не делать, разве тех дел, о которых в Уложении ни мало не упомянуто: а учинены на то не в перемену, а в дополнение Уложения, новоуказные пункты»⁶.

Комиссия под руководством сенатора И.А. Апухтина за три года собрала нормативные правовые акты 1650—1700 гг.; к 1718 г. на их основе были сформированы 10 глав т.н. Сводного уложения. Но дальнейшая работа над ним была приостановлена, поскольку Петр I решил, отказавшись от первоначальной идеи систематизации имеющегося российского законодательства, создать новое уложение на основе иностранного права.

Известный шведский ученый Э. Аннерс, характеризуя инициативу российского императора, отмечает: «Петр стремился использовать... юридические нормы и юридическую технику Запада. Главным образом для него в этой области служили Голландия и прежде всего Швеция. Его восхищала эффективность... суда»⁷. По задумке императора, новые российские законы должны были сочетаться со шведскими, датскими, эстляндскими и лифляндскими законами.

Созданная им комиссия из числа российских и зарубежных правоведов за семь лет не смогла подготовить нового уложения. Как пишет М.М. Сперанский, «легко можно представить препятствия, кои на сем новом пути встретились от разности в языке, от недостатка сведущих людей, от коренного несходства двух разных систем законодательства и особенно от того, что собственное свое законоположение не было еще сводом установлено, и, следовательно, не представлялось никакой возможности определить

⁴ М.М. Сперанский писал: «Мысль о приведении законов в один состав, о распределении их по предметам для удобства их познания и приложения столь проста и очевидна, что во всех почти государствах дело сие признаваемо было делом настоятельным, одною из первых государственных нужд, по мере того, как многосложность самих законов возрастала. Везде чувствовали с одной стороны, что законы, быв произведением нужд и обстоятельств, не могут быть издаваемы в определенной системе; но везде вместе с тем находили, что сия необходимая их разнородность должна быть в последствии приводима к единству для удобства их исполнения. Таким образом, везде различали две формы законодательства: форму первоначальную, разнородную, и форму последующую, систематическую.

Посему-то и у нас мысль о единообразии и правильном составе законов всегда была постоянной мыслью всех российских законодателей. Ни в одном царствовании, ни в кратком, ни в продолжительном, она не была вовсе оставляема. Понятия о сем составе изменялись, колеблясь между сводом прежних законов и новым их уложением; но главное намерение всегда было одно и то же: состав законов ясный, правильный и единообразный» (см.: *Сперанский М.М. Обзорение исторических сведений о Своде законов.* СПб., 1833. С. 53, 54).

⁵ Латкин В.Н. Законодательные комиссии в России в XVIII столетии. Историко-юридическое исследование. СПб., 1887. Т. I. С. 14.

⁶ Законодательство Петра I. М., 1997. С. 749.

⁷ Аннерс Э. История европейского права / отв. ред. В.Н. Шенаев; пер. со швед. Р.Н. Валинского, А.М. Волкова, М.А. Исаева, Т.Л. Шенявской. М., 1994. С. 254, 255.

с достоверностью, что должно в нем считать действующим и что отмененным»⁸.

В правление Петра II было решено вернуться к первоначальному плану кодификации без привлечения зарубежного законодательства, поскольку стало очевидным: имплементация в систему русского права правовых начал, явившихся продуктом совершенно иных исторических, экономических, политических, идеологических и религиозных условий, неприемлема. Пришло осознание, что Уложение должно покоиться на историческом и национальном фундаменте, а не на зарубежных основах. Поэтому Указом Государя Императора от 14 мая 1728 г. для подготовки Сводного уложения была создана комиссия, в состав которой должны были войти лучшие представители общества «из офицеров и из дворян добрых и знающих людей из каждой губернии, кроме Лифляндии, Эстляндии и Сибири, по пять человек за выбором от шляхетства»⁹. По замечанию Д.В. Поленова, «в комиссии 1728 г. обращает на себя внимание то, что в ней совершенно устранено было иноземное начало... Указ 14 мая 1728 г. <...> ставит на первый план намерение... привести в более правильное состояние Русское уложение»¹⁰.

С этой комиссией что-то пошло не так. Во-первых, участие в ее работе местное дворянство рассматривало как очередную тяжелую повинность, наложенную на него правительством. По утверждению В.Н. Латкина, дело доходило даже до того, что «местным начальствам приходилось прибегать к всевозможным репрессивным мерам... ареста жен депутатов, захвата их крепостных, их имущества и т.п., чтобы заставить дворян участвовать в выборах, а депутатов ехать в Москву...»¹¹.

Во-вторых, сформированная таким образом комиссия оказалась неспособной к законодательной деятельности, так как в нее входили совершенно безграмотные избранники. Она так и не смогла приступить к работе, а в связи со смертью Петра II вообще была распущена.

Именным Указом Государыни Императрицы Анны Иоановны от 1 июня 1730 г. «О немедленном окончании начатого Уложения и об определении к сочинению оного добрых и знающих людей из шляхетства, духовенства и купечества

и о поднесении каждой конченной главы к Высочайшему утверждению» повелевалось Сенату завершить формирование уложения, начатого Петром I¹². Этот Указ характерен рядом особенностей. Судя по его тексту, было решено значительно расширить выборное начало формирования комиссии, в состав которой должны были войти представители трех сословий, которые всегда были представлены в древнерусских выборных учреждениях. По сути, Анна Иоановна вернулась к идее имплементации иностранного законодательства в русскую правовую систему, отвергнутую Петром II. Планировалась подготовка нового уложения, при этом существующие законодательные акты должны были служить лишь неким пособием для его составления.

Реализовать эту идею не удалось в силу разных причин. По утверждению В.Н. Латкина, за пять лет (до 1735 г.) комиссия сделала совсем немного – сформировала всего две главы. «До окончания Уложения еще было очень далеко, и работа над ним, несмотря на многие понукания со стороны правительства, подвигались весьма медленно и почти безуспешно»¹³. По замечанию М.М. Сперанского, «крайние затруднения в Судах и Управлении, более от смешения и неизвестности Законов, нежели от недостатка их происходившие, представили необходимым, прежде всего, и не ожидая *нового*, привести в порядок и известность *старое*»¹⁴.

Данные обстоятельства, по сути, вынудили императрицу отказаться от создания уложения на основе имплементированных зарубежных правовых систем и вернуться к первоначальному замыслу первой уложенной комиссии – формированию сводного уложения. Но оно скорее всего рассматривалось как промежуточный акт, имеющий силу только до принятия нового уложения.

6 февраля 1735 г. Государыней Императрицей Анной Иоановной было принято два решения, непосредственно относящиеся к кодификации законодательства. В Высочайшей резолюции на доклад Академии наук «О напечатании вновь прежнего Уложения для всенародного употребления» она начертала: «Прежнее Уложение, также Уложение Сводное с указами из Сената выправя, отдать и велеть печатать». Императрица согласилась и со вторым докладом Академии наук «О печатании указов,

⁸ Сперанский М.М. Обзорение исторических сведений о Своде законов. С. 14, 15.

⁹ Законодательство Екатерины I и Петра II / сост. В.А. Томсинов. М., 2004. С. 43.

¹⁰ Поленов Д.В. Законодательная комиссия при Петре II. 1728 г. // Сборник русского исторического общества. СПб., 1868. Т. 2. С. 405.

¹¹ Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX ст.). СПб., 1909. С. 49.

¹² См.: Законодательство императрицы Анны Иоановны / сост. и автор вступ. статей В.А. Томсинов. М., 2009. С. 76.

¹³ Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX ст.). С. 51.

¹⁴ Сперанский М.М. Указ. соч. С. 17, 18.

как изданных в прежние годы, так и впредь издаваемых, для всенародного употребления»¹⁵.

В 1741 г. пятая уложенная комиссия прекратила свое фактическое существование, хотя номинально она значилась действующей до 1744 г., несколько не продвинувшись в кодификации русского законодательства.

Шестая уложенная комиссия была создана в 1754 г. Взошедшая на престол Государыня Императрица Елизавета Петровна первоначально исходила из того, что предыдущая комиссия выявила все недействующие акты, принятые после Соборного уложения. В связи с этим оставалась не самая трудоемкая часть кодификации — расположить действующие законы по предмету регулирования (в современном выражении — по отраслям права). Но глава правительства П. И. Шувалов был вынужден признать: «Ваше Величество с начала своего государствования... изволили приказать нам заняться этим делом (составлением сводного уложения. — А. Ч.) но, по несчастью нашему, мы не сподобились исполнить желание Вашего Величества. У нас нет законов, которые всем без излишку и недостатков ясны и понятны были»¹⁶.

К 1754 г. мнение императрицы изменилось. По ее настоянию Правительствующий Сенат решил «сочинить законы ясные, всем понятные и настоящему времени приличные»¹⁷. Это означало отказ от кодификации имеющегося законодательства в пользу формирования нового Уложения. Для этого и была учреждена Комиссия сочинения уложения, состоявшая из двух установлений: общего и частного.

Первый из них должен был подготовить уложение: 1) по делам судным; 2) по делам уголовным; 3) по делам вотчинным; 4) о праве состояния людей в государстве. В предмет деятельности второго установления, образованного при коллегиях и каждой губернской канцелярии (всего их было 35), входила подготовка уставов по делам правительственным.

Общее установление к 1755 г. подготовило проекты уложений о суде и о делах уголовных (иначе, криминальную часть). Они были внесены на рассмотрение Сената и Синода, тогда же были представлены к Высочайшему утверждению. Подготовка закона о состояниях продолжалась до 1760 г. Первые два проекта императрицей были отклонены, «вероятно, потому, во-первых, что тогда уже

была мысль подвергнуть сии проекты рассмотрению депутатов, как то видно из дел последующей комиссии; и во-вторых, потому, что в Уголовном уложении была допущена смертная казнь, которая еще в 1753 и 1754 годах императрицей хотя не совсем была отменена, но приостановлена»¹⁸.

С указанным объяснением не согласен В. Н. Латкин¹⁹. По его мнению, причины, по которым императрица отказалась санкционировать проекты, были в неудовлетворительном качестве документов. Это косвенно подтверждается и тем, что они были возвращены для доработки²⁰.

Комиссия решилась на весьма важный шаг, обратившись в Правительствующий Сенат с ходатайством о созыве депутатов от трех сословий — духовенства, дворянства и купечества (по два дворянина от каждой провинции и по два купца от каждой губернии). Речь шла о Всесословном земском соборе по примеру собора, созванного в свое время царем Алексеем Михайловичем в связи с подготовкой и принятием Уложения 1649 г. Однако эта идея, поддержанная Правительствующим Сенатом и Государыней Императрицей, по сути, не повлияла на судьбу законодательных проектов. Как и в прежнем случае (1728 г.), депутаты прибегали к разным уловкам, чтобы уклониться от поездки в Петербург, большая их часть прибыла намного позже установленного срока, и, наконец, многие из них настолько не удовлетворяли требованиям правительства, что были сразу отпущены домой.

Комиссия формально продолжала существовать до 1767 г., но фактически свою работу прекратила раньше (протоколы комиссии завершаются 1766 г.).

Восьмая комиссия была создана Екатериной II еще до роспуска предыдущей. 14 декабря 1766 г. Государыня Императрица обнародовала Именной указ, данный Сенату, об учреждении Комиссии для сочинения проекта нового уложения и о выборе в оную депутатов²¹.

¹⁸ Там же. С. 24.

¹⁹ Он пишет: «Во-первых, созвание депутатов в 1761 г. совсем не произошло по инициативе императрицы или Сената, но по инициативе самой комиссии, вошедшей по названному поводу с донесением в Сенат. Уже по одному этому у императрицы не могло быть в 1755 г. никакой мысли относительно рассмотрения проекта депутатами. Во-вторых, смертная казнь никогда не отменялась Елизаветой Петровной в 1753 г., а только было приостановлено приведение ее в исполнение» (см.: *Латкин В. Н.* Лекции по истории русского права, читанные в Императорском училище правоведения. СПб., 1912. С. 276, 277).

²⁰ См.: *Щербатов М. М.* О повреждении нравов в России // *Русская старина*. 1870. Кн. II. С. 105.

²¹ В Указе отмечалось: «великое помешательство в суде и расправе, следовательно и в правосудии, составляет недостаток во многих случаях узаконений, в других же великое число оных по разным временам выданных, также несовершенное различие между неперменными и временными законами;

¹⁵ Законодательство императрицы Анны Иоановны / сост. и автор вступительных статей В. А. Томсинов. С. 159, 160.

¹⁶ Цит. по: *Латкин В. Н.* Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX ст.). С. 54.

¹⁷ *Сперанский М. М.* Указ. соч. С. 21.

Екатерина II задумывала всеобъемлющую законодательную реформу в Российской Империи²². Как указывает М. М. Сперанский, «сия Комиссия, по важности своей, отличалась от всех предыдущих не только обширностью... состава, но и тем еще наиболее, что в основание ее положен Наказ императрицы Екатерины II...»²³. Задача Комиссии заключалась в составлении уложения в самом широком его смысле, охватывающего все российское законодательство, за исключением военного и морского. Императрица обратилась к ней с Наказом о составлении проекта нового уложения, в котором в качестве наставления для уложенной комиссии была изложена концепция просвещенного абсолютизма, сформулированы основные принципы политики и правовой системы государства²⁴.

Второй наказ был адресован генерал-прокурору (генерал-прокурорский наказ); он был своеобразной инструкцией, которой следовало руководствоваться, «чтобы противного разуму, в пунктах наставления содержащемуся, комиссией ничего сочинено не было, и чтобы разум и слова наставления не были обращены во вред отечеству»²⁵.

Кроме того, Государыня Императрица Екатерина II издала Обряд управления Комиссией, который, по сути, представлял собой устав, содержал совокупность правил, определяющих распорядок работы Комиссии и делопроизводство.

Комиссия состояла из общего собрания (входило 565 чел.), или большой комиссии, и отдельных комиссий (их было 19). Она начала работать 1 июля 1767 г., а через пять месяцев (29 декабря) общее собрание было распущено «впредь до повеления». Уже после этого (28 февраля 1768 г.) императрицей было издано Начертание о приведении к окончанию Комиссии по составлению проекта нового уложения²⁶.

а паче всего, что чрез долгое время и частые перемены разум, в котором прежние... узаконения составлены были, ныне многим совсем не известен сделался; при том же и страстные толки часто затмевали прямой разум многих законов, сверх того еще умножила затруднения разница тогдашних времен и обычаев, несходных вовсе с нынешними...» (см.: Законодательство Екатерины II: в 2 т. М., 2000. Т. I. С. 69).

²² См. об этом подр.: Томсинов В. А. Законодательство императрицы Екатерины II: 1762–1782 годы. Комментарии // Законодательство императора Петра III: 1761–1762 годы. Законодательство императрицы Екатерины II: 1762–1782 годы / сост. и автор вступ. статей В. А. Томсинов. М., 2011. С. XXV–XXXII.

²³ Сперанский М. М. Указ. соч. С. 27, 28.

²⁴ См.: Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового уложения / под ред. Н. Д. Че-чулина. СПб., 1907.

²⁵ Цит. по: Латкин В. Н. Лекции по истории русского права, читанные в Императорском училище правоведения. С. 295.

²⁶ См.: там же.

Комиссия Государыни Императрицы Екатерины II успела составить три части уложения: ч. I «О суде»; ч. II «О розыскных делах и какие за разные злодейства и преступления казни, наказания и штрафы положены»; ч. III «О состоянии подданных вообще». Таким образом, ч. II Уложения представляла собой проект нового уголовного кодекса.

В литературе нет единого мнения по количеству ее редакций. Некоторые авторы утверждают, что после варианта, подготовленного в 1766 г., она перерабатывалась еще раз²⁷. Не соглашаясь с этим, Н. Д. Сергеевский подчеркивает, что указанная часть не носит на себе никаких следов влияния Наказа императрицы. «Гуманные идеи Наказа... Екатерины II могли, конечно, остаться без влияния, но систематика преступлений, а также многие его выражения и фразы о существе преступлений, и цели наказания, о монаршем милосердии и т. п. должны были отозваться в тексте нового проекта, если бы этот последний составлялся после издания Наказа»²⁸.

В целом же уложение не было подготовлено, а следовательно, работы по кодификации законодательства Российской Империи не были завершены²⁹. Как замечает В. Н. Латкин, Екатерининскую комиссию постигла та же участь, что и предыдущие комиссии. Все, что осталось после нее, это несколько проектов, составленных частными комиссиями. Но и они не только не получили законодательного статуса, но даже не были признаны в качестве источников последующей законодательной деятельности Екатерины II³⁰.

В 1768 г. деятельность очередной уложенной комиссии была приостановлена, в качестве повода для этого послужило начало русско-турецкой войны 1768–1774 гг.³¹ После окончания военных действий комиссия, хотя уже больше не созывалась, юридически продолжала считаться существующей. Об этом, в частности, свидетельствуют указы о переносе ее заседаний и упоминания о ней как о действующей в правительственных актах 1780-х годов. Частные комиссии просуществовали до 4 декабря 1774 г.

В литературе, в первую очередь исторической, представлены разные мнения о причинах неудачи

²⁷ См.: Латкин В. Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX ст.). С. 59.

²⁸ Сергеевский Н. Д. Проекты Уголовного Уложения 1754–1766 гг. СПб., 1882. С. 37.

²⁹ См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1994. Кн. XIV. Т. 27. С. 71.

³⁰ См.: Латкин В. Н. Лекции по истории русского права, читанные в Императорском училище правоведения. С. 300.

³¹ См.: Поленов Д. В. Исторические сведения о Екатерининской комиссии для сочинения проекта нового Уложения. Ч. I. СПб., 1869. С. XX.

уложенной комиссии. Следует заметить, что на оценках ее деятельности во многом, вероятно, сказались опубликованные в 1865 г. «Записки о жизни и службе Александра Ильича Бибикова» его сына, сенатора А.А. Бибикова. В частности, в них делается следующий вывод: «Должно признаться чистосердечно, предприятие сие было равновременно, и умы большей части депутатов не были еще к сему приготовлены и весьма далеки от той степени просвещения и знания, которая требовалась к столь важному их делу»³². Эта точка зрения подверглась обстоятельной критике³³.

Уложенная комиссия, хотя и не смогла решить поставленные перед ней задачи, оказалось полезной в том, что императрица получила возможность узнать нужды, желания и стремления своего народа и в соответствии с этим строить свою дальнейшую законодательную деятельность. Как она сама писала впоследствии, «Комиссия Уложения подала мне свет и сведения по всей империи, с кем дело имеем и о ком пеших должно»³⁴.

Новая комиссия («Комиссия для составления законов») Государем Императором Павлом была образована 4 декабря 1796 г., т.е. фактически через месяц после дня коронации. Имея отрицательный опыт деятельности предыдущих комиссий, было принято решение не создавать нового уложения, а составить сводное уложение. Поэтому указом предписывалось собрать все действующие законодательные акты и подготовить из них три сборника законов: уголовных, гражданских и казенных дел. Однако комиссия успела составить только 17 глав о судопроизводстве, девять глав о вотчинных делах и 13 глав уголовных законов. Как указывает Ф.Ф. Дудырев, ни специальный рескрипт Государя Императора Александра I от 5 июня 1801 г.³⁵, ни многократная смена руководителей комиссии не дали положительных результатов. Она бесславно закончила свое существование в 1803 г.; представленные ею материалы даже не рассматривались Сенатом из-за их заведомой слабости и неполноты³⁶.

В 1803 г. при Министерстве юстиции была создана Особая комиссия по составлению законов

под непосредственным руководством товарища (заместителя) министра Н.Н. Новосильцева, перед которой стояла задача «законы утвердить на непоколебимых основаниях права». Надо заметить, что труды этих комиссий не принесли каких-либо ощутимых результатов³⁷.

М.М. Сперанский в качестве основных выделял две причины неудач уложенных комиссий: во-первых, «обстоятельства времени»; во-вторых, «распорядок работы». Согласно первой из них, правительство привлекало к работе по кодификации законодательства людей, большей частью занятых, обремененных другими делами. К тому же, среди них не было специалистов, знающих юриспруденцию и имеющих опыт законотворчества³⁸. Вторая причина заключалась в том, что «все почти комиссии представляли себе дело, им подлежащее, не только настоящим, но и в исполнении легким. Отсюда происходило, что все почти приступали прямо к концу его, не приготовив ни начала, ни середины. Поэтому то печатали манифесты о сочинении Уложения, не сочинив его, то приступали к составлению Свода законов или даже Уложения, не сделав предварительного собрания законов, на которых должно основываться Уложение»³⁹.

Подготовка уголовного уложения. Государь Император Александр I, не получив нужного результата от Комиссии Павла I, в 1804 г. учредил новую комиссию для составления уставов и уложений по всем отраслям права. Основу для них должно было составить действующее законодательство. При этом в Инструкции по составлению новых кодифицированных актов, подготовленной 28 февраля 1804 г. Министерством юстиции, говорилось: «Комиссия обязана из существующих в России указов и постановлений извлечь законы. Она должна сообразить их с принятыми основаниями права, привести их в математический порядок. Комиссия не имеет права вводить законов новых или чужих, изданных для других стран и народов, образу правления и местному положению России не соответствующих»⁴⁰.

Общее направление работы Комиссии составления законов было отражено еще в рескрипте от 1801 г. графу П.В. Завадовскому, назначенному ее руководителем. По инструкции Министерства юстиции уголовные законы должны были составить самостоятельную четвертую часть книги законов.

³² Записки о жизни и службе Александра Ильича Бибикова, сыном его сенатором Бибиковым. М., 1865. С. 56.

³³ См.: *Латкин В.Н.* Лекции по истории русского права, читанные в Императорском училище правоведения. С. 301.

³⁴ Цит. по: *Латкин В.Н.* Законодательные комиссии в России в XVIII ст. Т. 1.

³⁵ См.: *Гальперин Г.Б.* Основные направления в области кодификации русского права в начале XIX в. (1801–1802 гг.) // *Вестник Ленинградского ун-та. Сер.: Экономика. Философия. Право.* 1960. Вып. 1. № 5. С. 134.

³⁶ См.: *Дудырев Ф.Ф.* Кодификация уголовного законодательства Российской империи в XVIII — начале XX в. Екатеринбург, 2011. С. 75.

³⁷ См. подр.: *Андрусенко О.В.* Деятельность законодательных комиссий в 1800–1820 гг. по систематизации уголовного законодательства России // *Проблемы права.* 2015. № 2 (50). С. 172.

³⁸ См.: *Сперанский М.М.* Указ. соч. С. 56, 57.

³⁹ Там же. С. 58, 59.

⁴⁰ Цит. по: *Солодкин И.И.* Очерки по истории русского уголовного права. Л., 1960. С. 7.

В свою очередь, эта часть должна была охватить два раздела: первый – «Устав уголовный»; второй – «Устав благочиния и все, до полиции относящееся». Устав уголовный предполагалось разбить на два отделения, соответствующие в современном понимании Общей и Особенной частям уголовного права. В первое отделение планировалось интегрировать нормы: 1) о преступлении и наказании вообще; 2) об отличительных свойствах разных злодеяний и преступлений; 3) о нравственном и законном исследовании всех степеней преступления: явное намерение, «винность», неосторожность. Кроме того, в общую часть включались нормы о покушении, соучастии, наказании и др.

Второе отделение (Особенная часть) охватывала нормы о конкретных преступлениях, разделенных на категории, и их наказуемость. Выделялись две категории преступлений: 1) против благосостояния государства; 2) против благосостояния частного лица. В свою очередь, категории деяний делились на степени.

Подобная архитектура уложения позволяет сделать по крайней мере два вывода. Ее составители, во-первых, полностью разрывали с Уложением царя Алексея Михайловича; во-вторых, пытались создать систему особенной части исходя из тяжести наказания. При этом очевидно влияние как Наказа Екатерины II, так и некоторых западноевропейских кодексов; это проявляется, в частности, в выделении двух категорий преступлений, деяний «общеопасных» и совершаемых «без возмущения общей тишины» и др.

В литературе план Министерства юстиции воспринимался «как всякий оторванный от реальных отношений, неосуществимым. Преступления государственные и религиозные поглотили основное внимание..., остальные нарушения не только отодвинулись на задний план, но разделены были на отдельные, различные по наказуемости группы, не только без достаточного основания, но и без приведения каких бы то ни было объяснений»⁴¹.

В течение четырех лет Комиссия занималась подготовительной работой, предпринимала попытки создать теоретические основы проектов будущих законов. Одним словом, сделано было немного. Это обуславливалось разными причинами, в том числе и тем, что главным секретарем и референтом комиссии составления законов Александром I был назначен Г.А. Розенкампф, которого рекомендовал на эту должность его товарищ по Лейпцигскому университету сенатор О.П. Козодавлев (в 1810–1819 гг. Министр внутренних дел

Российской Империи)⁴². Розенкампф плохо знал русский язык, не был знаком с русским правом, все время посвящал изучению действующего права и его источников. Российские законы и проекты узаконений для него переводились на немецкий язык. К тому же, он уволил из Комиссии большую часть русских чиновников, заменив их немецкими и французскими законоведами. По утверждению М.А. Корфа, Розенкампф «в существе, ничего не производил, а только все переделывал сызнова. Его комиссия подвигалась точно так же медленно и безуспешно, как прежние; в публике же не могли довольно надивиться, как к составлению уложения для величайшей в свете империи выбран, предпочтительно перед всеми, человек, не знающий ни ее законов, ни нравов и обычаев, ни даже языка». При этом М.А. Корф отмечает, что «Розенкампфу нельзя было отказать ни в остром уме, ни в обширных теоретических сведениях...»⁴³.

Более резкую оценку деятельности главного секретаря дал Е.П. Карнович. Он пишет, что Розенкампф «не выяснил вполне предстоящей ему задачи, не знал, как распорядиться бывшими у него под руками материалами: он то хотел сделать издание законов каким-то историческо-археографическим трудом, то намеревался придать этому изданию критический характер и, под влиянием этой мысли, принимался за сличение русского законодательства с иностранными законодательствами»⁴⁴.

Вероятно, осознав бесперспективность Розенкампфа в роли руководителя Комиссии, Александр I Указом от 8 августа 1808 г. назначил М.М. Сперанского присутствующим в совете Комиссии, который до того времени состоял только из министра юстиции и его товарища, а 16 декабря 1808 г. сделал его товарищем министра юстиции (вместо уволенного Новосильцева), курирующим работу Комиссии. 7 марта 1809 г. император утвердил представленное новым руководителем Комиссии «Положение о составе, управлении, задачах и делопроизводстве Комиссии», фактически содержащее программу деятельности последней по подготовке законодательства Российской Империи.

В связи с образованием в 1810 г. Государственного совета Комиссия была преобразована в Установление при Государственном совете, ее собственный совет упразднен, а М.М. Сперанский был назначен директором Установления, кроме того, изменился порядок делопроизводства.

⁴² См.: Кассо Л.А. К истории Свода законов гражданских. СПб., 1904; Пыпин А.Н. Русские отношения Бентама // Вестник Европы. 1869. № 2–4.

⁴³ Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. Т. 1. Ч. 1, 2. С. 147, 148.

⁴⁴ Карнович Е.П. О новом издании Полного собрания законов // Русская старина. 1874. Т. 10. Кн. 5–8, май–август. С. 416.

⁴¹ Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. М., 2003. С. 248, 249.

Руководителем работ по составлению уголовного уложения был назначен немецкий профессор Л.Г. Якоб. В Комиссию вошли зарубежные теоретики уголовного права А. Фейербах и Н. Фесслер⁴⁵.

М.М. Сперанскому Фесслера представил его ученик по Львовскому университету П.Д. Лодий, бывший в то время профессором Петербургского педагогического института⁴⁶. «Необыкновенно ласковый прием, — вспоминал Фесслер, — благородные черты лица, обличавшие и высокий разум, и глубокое чувство; одушевленная беседа на латинском языке, которым он владел в совершенстве, — все это тотчас внушило мне неограниченное к нему доверие, в котором я и никогда не имел случая разочароваться»⁴⁷.

Как отмечает Г.С. Фельдштейн, «Комиссия располагала в то время, по словам проф. Якоба, довольно полным собранием указов и обширным извлечением из них, приведенным в порядок по рубрикам, установленным Комиссией. На основании этого материала была составлена уже ко времени приглашения проф. Якоба общая часть уголовного кодекса и обширная объяснительная к ней записка, по-видимому, каким-то немецким сотрудником Комиссии»⁴⁸.

Если прежние законодательные (уложенные) комиссии старались не использовать зарубежный, в частности западноевропейский, опыт либо имели неудачный опыт отказа от исторической преемственности русского уголовного права, его самобытности, то комиссия Якоба находилась под влиянием Баварского уголовного уложения Фейербаха и трудов немецкого ученого Х.Е. Глобига⁴⁹.

В литературе упоминается разное количество проектов, разработанных Якобом. Так, Ф.Ф. Дудырев говорит об одном проекте⁵⁰, В.П. Коняхин называет три варианта проекта уголовного уложения — 1812, 1813

и 1816 гг.⁵¹ О.В. Андрусенко пишет: «В архивных материалах в разных фондах хранятся несколько отличающиеся друг от друга редакции проекта Уголовного уложения, составленного Якобом: “Проект Уголовного уложения, составленный Якобом с приложением (французский и немецкий языки) 1812 г.”, “Проект Уголовного уложения. Части I, II, III. Редакция 1813 г.”»⁵².

Работа Якоба, как и в целом деятельность Комиссии, подверглась критике. Наиболее резко и язвительно высказался, пожалуй, Н.М. Карамзин. Он писал: «Опять новая декорация... Для того ли существует Россия как сильное государство около тысячи лет? Для того ли около ста лет трудимся над сочинением своего полного Уложения, чтобы торжественно пред лицом Европы признаться глупцами и подсунуть седую нашу голову под книжку, слепленную в Париже... законы народа должны быть извлечены из его собственных правил, нравов, обыкновений, местных обстоятельств. Мы бы имели уже 9 Уложений, если бы надлежало только переводить»⁵³. Министр юстиции Д.П. Трошинский в замечаниях на Уложение указывает: «Проект... или весьма слабо, или и совсем не был соображаем с отечественными постановлениями и местными обстоятельствами; следственно, упущены из виду такие сведения, без которых едва ли можно было приступить к началу великого дела новых законов... Я всегда буду одного мнения, что гораздо легче философу написать прекраснейшую систему законов, основываясь на общей теории, нежели составить самые законы с достодолжным соображением местных обстоятельств»⁵⁴.

Нынешние исследователи также обращают внимание на недооценку составителями проекта исторической преемственности и самобытности права России⁵⁵.

Русскими криминалистами вообще высказывались сомнения в способности Якоба составить Уложение⁵⁶.

⁴⁵ В отличие от Фейербаха Игнац Аврелий Фесслер (1756—1839) практически не известен российским криминалистам. Родился в Венгрии. Занимался изучением языков, католической философии, казуистики. В 1779 г. принял священнический сан. В 1783 г. поступил и в 1784 г. окончил Венский университет, первым из австрийских капуцинов получив степень доктора теологии. В том же году возглавил кафедру восточных языков и ветхозаветной герменевтики в Лембергском (Львовском) университете. В 1796 г. переехал в Берлин; в 1810 г. по приглашению правительства России — в Санкт-Петербург.

⁴⁶ См.: Попов Н. Игнатий-Аврелий Фесслер. Биографический очерк // Вестник Европы. 1879. № 12. С. 587.

⁴⁷ Цит. по: Архимандрит Августин. Игнатий Фесслер (1756—1839) — филолог, философ, богослов // Труды кафедры богословия С.-Петербургской духовной академии. 2018. № 1 (2). С. 182.

⁴⁸ Фельдштейн Г.С. Указ. соч. С. 251.

⁴⁹ См. подр.: Солодкин И.И. Указ. соч. С. 15.

⁵⁰ См.: Дудырев Ф.Ф. Указ. соч. С. 77, 78.

⁵¹ См.: Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб., 2002. С. 39.

⁵² Андрусенко О.В. Систематизация уголовного законодательства Российской империи (первая половина XIX века): дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. С. 23.

⁵³ Карамзин Н.М. Записки о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 90, 91.

⁵⁴ Мнение министра Трошинского // Чтения в Императорском обществе по истории и древностей российских при Московском университете. Повременное изд. 1859. Июль—сентябрь. Кн. 3. С. 20, 21.

⁵⁵ См., напр.: Муромцев Г.И. О культурно-исторической специфике российских кодификаций // Кодификация законодательства: теория, практика, техника. Н. Новгород, 2009. С. 73—91.

⁵⁶ Например, И.Я. Фойницкий писал: «Якоб родом прусак, кабинетный чиновник-систематик с предвзятыми общими началами естественного права, с большим запасом юридической эрудиции

Якоб, следуя системе Баварского уложения 1813 г., с одной стороны, вводит деление карательных кодексов на два вида — уголовный и полицейский; с другой стороны, делит все преступления на публичные и частные, а между ними ставит особую группу деяний — преступления государственных чиновников. Непоследовательность в структурировании законодательного материала, как представляется, в этом случае является очевидной, не требующей особых пояснений.

Проект Якоба был существенно доработан как в самой Комиссии, так и в результате обсуждения в разных инстанциях. В юридической литературе, в частности, отмечалось, что в составленном Якобом проекте «найденно было... полное отсутствие русского национального права, почему он был передан... для пересмотра. Пересмотренный им проект был внесен в Государственный совет, где подвергся весьма значительным изменениям <...>. Различие в двух проектах в немногих словах таково. Проект Якоба следовал общему духу современной ему германской доктрины. Проект 1813 года был верен историческим традициям русского права»⁵⁷.

Проект Уголовного уложения 1813 г. был внесен на обсуждение в Государственный совет и опубликован⁵⁸, поэтому он признан официальным.

Судьба Уложения оказалась неудачной. Только в августе 1824 г. Государственный совет приступил к его обсуждению, рассмотрев до января следующего года лишь Общую часть. Государственный совет пришел к выводу, что: 1) Уложение должно

того времени, выражавшейся в знакомстве со многими кодексами без знания исторических основ каждого из них, не сомневавшийся в возможности создать кодекс законов для любого народа не будучи его членом и не живя его жизнью, в возможности вырвать все прежнее начала права, жившие сотни лет, и заменить их курсом в форме кодекса, — таков был человек, понадобившийся Сперанскому для создания русского уголовного уложения в первый, революционный период его деятельности. “Изучив” в восемь месяцев все русское уголовное законодательство, разбросанное тогда в массе рукописей на русском языке, между тем как-то по собственному сознанию ему приходилось до конца своей деятельности обращаться к помощи русского переводчика для перевода с немецкого на русский статей будущего русского уложения; Якоб обратился к правительству Сперанского с вопросом: какой кодекс он должен приготовить — свод ли существующих уже русских постановлений с указанием их недостатков и пробелов или совершенно новый кодекс, лишь для обольщения русских подкрепленный возможными ссылками на прежние русские законы? Сперанский заказал последнее, и Якоб с жаром принялся выполнять заказ своего патрона. Но к концу он уже пришел после того, как заказчик лишился своего влияния на русское законодательство» (см.: *Фойницкий И.Я.* Мошенничество по русскому праву: в 2 ч. М., 2006. Ч. 1. С. 80, 81).

⁵⁷ *Есипов В.В.* Очерк русского уголовного права. Часть Общая. Преступление и преступники. Наказание и наказуемые. Варшава, 1894. С. 44.

⁵⁸ См.: Проект Уголовного уложения Российской империи. СПб., 1813.

объединять все роды общих уголовных преступлений, исключая военные, горные и прочие к особенным уставам принадлежащие; 2) преступления должны отличаться от нарушений, караемых полицией; 3) государственные преступления должны быть отделены от частных; 4) Уложение об уголовных преступлениях и наказаниях должно состоять из четырех частей: первая — собственно Уложение, проект которого рассматривался; вторая — тяжкие полицейские преступления; третья — судопроизводство уголовное; четвертая — судопроизводство о тяжких телесных преступлениях. Предлагалось расширить понятие преступления, в частности отнести к нему не только противозаконные действия, но и противозаконные упущения. Существенные замечания были высказаны относительно ряда институтов общей части: прикосновенности к преступлению; обстоятельств, повышающих степень опасности преступления, смягчающих обстоятельств и др.⁵⁹

Последовавшая 19 ноября (1 декабря) 1825 г. кончина Государя Императора Александра I обусловила отказ от дальнейшей работы над проектом и его сдачу в архив.

Можно выделить ряд причин, предопределивших такой исход предпринятых правительством шагов по кодификации.

1. Неподготовленность законодательных комиссий, в целом комплектовавшихся по бюрократическому принципу. Высокопоставленные чиновники, входившие в них, не освобождались от исполнения обязанностей по службе, деятельность по кодификации ими воспринималась как дополнительная нагрузка. Это обстоятельство, в частности, отмечает М.М. Сперанский⁶⁰.

Кроме того, состав Комиссий часто подвергался изменениям.

2. Отсутствие определенной цели законодательных работ; она часто менялась уже в ходе деятельности очередной комиссии, которая царствующей особой обязывалась выработать сводное, нововуказное либо новое уложение исходя из своих

⁵⁹ См. подр.: *Андрусенко О.В.* Систематизация уголовного законодательства Российской империи (первая половина XIX века): дис. ... канд. юрид. наук. С. 24, 25.

⁶⁰ «Составление Уложения вверяют у нас первому, кто нарушит некоторое сведение в указах или покажет некоторые таланты, как будто можно в сей науке всякому быть глубоким, кто захочет, и как будто она не есть одна из труднейших частей истинной философии. <...> К составлению проекта Уложения нужны люди..., которые бы, зная все изгибы канцелярий и практическое употребление закона, вместе с тем не только знакомы были со всеми лучшими писателями в сем роде и приобыкли размышлять с ними, но имели бы душу и разум...» (см.: *Сперанский М.М.* Отрывок о Комиссии Уложения // Сперанский М.М. Проекты и записки / под ред. С.Н. Валка. М. — Л., 1961. С. 26, 27).

предпочтений, в том числе отношения к имплементации в российскую правовую систему начал зарубежного права. Последнее обстоятельство свидетельствует об игнорировании важного условия законодательства, согласно которому «всякое Уложение должно быть основано на существующих правах народа или по крайней мере должно предполагать их существующими»⁶¹.

3. Осуществление кодификации охватывает несколько этапов, начальным из которых является на первый взгляд сугубо техническая работа — собрать и обобщить все действующее законодательство за определенный период времени. Именно он и оказался наиболее сложным для уложенных и законодательных комиссий, став, по сути, камнем преткновения на протяжении целого столетия. Все комиссии, надлежащим образом не выполнив эту часть работ, сразу приступали к составлению уложения.

Значение проекта Уложения 1813 г. Как уже отмечалось, проект Уголовного уложения 1813 г. не стал действующим кодексом, тем не менее данное обстоятельство, на наш взгляд, нисколько не умаляет его значения. Во-первых, был получен неоценимый опыт кодификационной деятельности, ее принципов, методов, оценки роли и значения предыдущего законодательства как историко-культурной ценности, самобытности русского права. Во-вторых, как бы то ни было, проект оказал существенное влияние на дальнейшее развитие уголовного права и законодательства⁶², стал мощным импульсом к разработке проблем кодификации.

В-третьих, — и на это следует обратить особое внимание — в проекте был использован пандектный принцип построения уложения, т.е. в нем была выделена общая часть аналогично тому, как это имеет место в современных кодексах⁶³.

Правда, данное обстоятельство породило в научной литературе дискуссию о моменте возникновения норм Общей части. Так, утверждается, что «появлению Общей части уголовного права исторически предшествовало возникновение Особенной его части»⁶⁴. По мнению А.И. Бойко, Общая часть появилась «исторически позднее конкретных запретов»⁶⁵; как полагает А.И. Бойцов, «исторически раньше появились законы, составившие в дальнейшем Особенную часть УК, и значительно

позже стали формироваться некие обобщения, которые сегодня образуют Общую часть»⁶⁶. Мнение указанных авторов разделяет М.С. Жук: «Общая часть уголовного права возникает намного позже того, что мы называем частью Особенной, она с необходимостью предполагает эти особенные положения в качестве своей исторической основы»⁶⁷. Исходя из этих предпосылок, ряд авторов ведут отсчет появления Общего уголовного права с проекта Уголовного уложения 1831 г.⁶⁸

Однако следует иметь в виду, что ранее проекта Якоба был подготовлен еще один вариант Уложения, о котором, как правило, в литературе не упоминается. Речь идет о проекте помощника реферendarия третьей экспедиции Г. Яценкова. Со ссылкой на архивы (ЦГИАЛ, ф. 1255, оп. 1, ед. хр. 307, ч. 1) сведения о нем приводит И.И. Солодкин⁶⁹. В этом проекте уже выделялись Общая и Особенная части: первая охватывала «Основания уголовного права»; вторая — «Уголовное право. Часть первая», объединявшая государственные преступления первой—третьей степеней.

И.И. Солодкин отмечает, что «Общая часть проекта в теоретическом отношении разработана значительно лучше, чем проекты Якоба. В вопросах практических (применение наказания и система Особенной части) — это типичный кодекс феодального общества. В связи с этим имеются серьезные противоречия между отдельными частями раздела «Основания уголовного права» и этим разделом и Особенной частью»⁷⁰.

Наряду с основными принципами феодального права в Общей части провозглашаются прогрессивные для того времени принципы буржуазного уголовного права: общественная опасность деяния (преступным признается деяние, вредное для всего общества или отдельного лица, — § 5, 7); цели наказания — удовлетворение потерпевшего, специальное и общее предупреждение. Для их реализации предусматривались виды наказания, которые, с одной стороны, были бы соразмерны учиненному преступлению, с другой — «оставляли бы в сердцах людских самое живое и долговременное впечатление». Причем применяемые наказания «должны быть меньше мучительны для преступникова тела».

⁶⁶ Уголовное право России. Общая часть. СПб., 2006. С. 229.

⁶⁷ Жук М.С. Учение об институтах российского уголовного права: концептуальные основы и перспективы развития. М., 2013. С. 209.

⁶⁸ См.: Илджеев А.А. Особенная часть уголовного права как отражение уголовной политики российского государства // Вестник Казанского юрид. ин-та МВД России. 2023. Т. 14. № 1 (51). С. 67–75.

⁶⁹ См.: Солодкин И.И. Указ. соч. С. 17, 18.

⁷⁰ Там же. С. 17.

⁶¹ Сперанский М.М. Отрывок о Комиссии Уложения. С. 21.

⁶² См.: Безверхов А.Г., Коростелев В.С. Проект Уголовного уложения Российской империи 1813 года. Самара, 2013. С. 12, 13.

⁶³ См.: Бентам И. Основные начала уголовного кодекса // Избр. соч. Иеремии Бентама: в 2 т. СПб., 1867. Т. 1. С. 473.

⁶⁴ Уголовное право России. Особенная часть / под ред. А.И. Парога. М., 2008. С. 10.

⁶⁵ Уголовное право. Общая часть / под ред. В.Н. Петрашева. М., 1999. С. 9.

Достаточно рельефно в проекте отражена роль вины и как субъективной составляющей основания уголовной ответственности, и как обстоятельства, влияющего на выбор вида и размера (срока) наказания. Обязательному установлению, по мнению Яценкова, подлежали: важность преступления, или важность нарушенного права; намерение виновного; роль лица в совершении преступления. В проекте подробно представлены причины, усиливающие или, наоборот, уменьшающие опасность содеянного либо вообще «извиняющие преступление» и «не извиняющие преступление». Характеризуя последние, автор, в частности, указывает, что «суд не может принять в уважение ни заслуг, ни знатного рода, ни других личных отличий виновного».

Особенная часть проекта, основанная на идеях феодального права, на первое место ставит «преступления противу святыне православные веры, клонящиеся к потрясению главных ее оснований, и к совершенному истреблению». Предусмотренные за них наказания также отвечали духу времени: «казнить же жесточайше и поноснейшею смертию» (позорной смертью. – *А. Ч.*) или пожизненное лишение свободы⁷¹.

Таким образом, проект Якоба можно считать точкой отсчета начала пандектного способа построения уголовного законодательства в России достаточно условно; проект Яценкова, также предполагавший в структуре Уложения Общую часть, был готов раньше первого, но, к сожалению, не был признан официальным проектом Уголовного уложения Российской Империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрусенко О. В. Деятельность законодательных комиссий в 1800–1820 гг. по систематизации уголовного законодательства России // Проблемы права. 2015. № 2 (50). С. 172.
2. Андрусенко О. В. Систематизация уголовного законодательства Российской империи (первая половина XIX века): дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. С. 23–25.
3. Аннерс Э. История европейского права / отв. ред. В. Н. Шенаев; пер. со швед. Р. Н. Валинского, А. М. Волкова, М. А. Исаева, Т. Л. Шенявской. М., 1994. С. 254, 255.
4. Архимандрит Августин. Игнатий Фесслер (1756–1839) – филолог, философ, богослов // Труды кафедры богословия С.-Петербургской духовной академии. 2018. № 1 (2). С. 182.
5. Безверхов А. Г., Коростелев В. С. Проект Уголовного уложения Российской империи 1813 года. Самара, 2013. С. 12, 13.
6. Бентам И. Основные начала уголовного кодекса // Избр. соч. Иеремии Бентама: в 2 т. СПб., 1867. Т. 1. С. 473.
7. Гальперин Г. Б. Основные направления в области кодификации русского права в начале XIX в. (1801–1802 гг.) // Вестник Ленинградского ун-та. Сер.: Экономика. Философия. Право. 1960. Вып. 1. № 5. С. 134.
8. Дудырев Ф. Ф. Кодификация уголовного законодательства Российской империи в XVIII – начале XX в. Екатеринбург, 2011. С. 75, 77, 78.
9. Есинов В. В. Очерк русского уголовного права. Часть Общая. Преступление и преступники. Наказание и наказуемые. Варшава, 1894. С. 44.
10. Жук М. С. Учение об институтах российского уголовного права: концептуальные основы и перспективы развития. М., 2013. С. 209.
11. Законодательство Екатерины I и Петра II / сост. В. А. Томсинов. М., 2004. С. 43.
12. Законодательство Екатерины II: в 2 т. М., 2000. Т. 1. С. 69.
13. Законодательство императрицы Анны Иоановны / сост. и автор вступ. статей В. А. Томсинов. М., 2009. С. 76.
14. Законодательство Петра I. М., 1997. С. 749.
15. Записки о жизни и службе Александра Ильича Бибикова, сыном его сенатором Бибиковым. М., 1865. С. 56.
16. Илджеев А. А. Особенная часть уголовного права как отражение уголовной политики российского государства // Вестник Казанского юрид. ин-та МВД России. 2023. Т. 14. № 1 (51). С. 67–75.
17. Кабриак Р. Кодификации / пер. с франц. и вступ. статья Л. В. Головки. М., 2007. С. 362.
18. Карамзин Н. М. Записки о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 90, 91.
19. Карнович Е. П. О новом издании Полного собрания законов // Русская старина. 1874. Т. 10. Кн. 5–8, май–август. С. 416.
20. Кассо Л. А. К истории Свода закона гражданских. СПб., 1904.
21. Кодан С. В., Тараборин Р. С. Несостоявшаяся кодификация гражданского законодательства России. 1800–1825. Екатеринбург, 2002. С. 13.
22. Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб., 2002. С. 39.
23. Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. Т. 1. Ч. 1, 2. С. 147, 148.
24. Латкин В. Н. Законодательные комиссии в России в XVIII столетии. Историко-юридическое исследование. СПб., 1887. Т. 1. С. 14.
25. Латкин В. Н. Лекции по истории русского права, читанные в Императорском училище правоведения. СПб., 1912. С. 276, 277, 295, 300, 301.
26. Латкин В. Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX ст.). СПб., 1909. С. 49, 51, 59.
27. Мнение министра Трошинского // Чтения в Императорском обществе по истории и древностей российских

⁷¹ См.: Солодкин И. И. Указ. соч. С. 18.

при Московском университете. Повременное изд. 1859. Июль—сентябрь. Кн. 3. С. 20, 21.

28. Муромцев Г.И. О культурно-исторической специфике российских кодификаций // Кодификация законодательства: теория, практика, техника. Н. Новгород, 2009. С. 73–91.
29. Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового уложения / под ред. Н.Д. Чечулина. СПб., 1907.
30. Полонов Д.В. Законодательная комиссия при Петре II. 1728 г. // Сборник русского исторического общества. СПб., 1868. Т. 2. С. 405.
31. Полонов Д.В. Исторические сведения о Екатерининской комиссии для сочинения проекта нового Уложения. Ч. I. СПб., 1869. С. XX.
32. Попов Н. Игнатий-Аврелий Феслер. Биографический очерк // Вестник Европы. 1879. № 12. С. 587.
33. Пытин А.Н. Русские отношения Бенгтама // Вестник Европы. 1869. № 2–4.
34. Сергеевский Н.Д. Проекты Уголовного Уложения 1754–1766 гг. СПб., 1882. С. 37.
35. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1994. Кн. XIV. Т. 27. С. 71.
36. Солодкин И.И. Очерки по истории русского уголовного права. Л., 1960. С. 7, 15, 17, 18.
37. Сперанский М.М. Обзорение исторических сведений о Своде законов. СПб., 1833. С. 14, 15, 17, 18, 21, 24, 27, 28, 53, 54, 56–59.
38. Сперанский М.М. Отрывок о Комиссии Уложения // Сперанский М.М. Проекты и записки / под ред. С.Н. Валка. М. – Л., 1961. С. 21, 26, 27.
39. Тараборин Р.С. Систематизация гражданского законодательства Российской империи: первая половина XIX века: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С. 13.
40. Томсинов В.А. Законодательство императрицы Екатерины II: 1762–1782 годы. Комментарии // Законодательство императора Петра III: 1761–1762 годы. Законодательство императрицы Екатерины II: 1762–1782 годы / сост. и автор вступ. статей В.А. Томсинов. М., 2011. С. XXV–XXXII.
41. Уголовное право. Общая часть / под ред. В.Н. Петрашева. М., 1999. С. 9.
42. Уголовное право России. Общая часть. СПб., 2006. С. 229.
43. Уголовное право России. Особенная часть / под ред. А.И. Рарога. М., 2008. С. 10.
44. Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. М., 2003. С. 248, 249, 251.
45. Фойницкий И.Я. Мошенничество по русскому праву: в 2 ч. М., 2006. Ч. I. С. 80, 81.
46. Шебанов А.Ф. Полное собрание законов Российской империи // Труды ВЮЗИ. М., 1970. Т. XIV. С. 279.
47. Щербатов М.М. О повреждении нравов в России // Русская старина. 1870. Кн. II. С. 105.

REFERENCES

1. Andrusenko O.V. Activity of legislative commissions in 1800–1820 on systematization of criminal legislation of Russia // Problems of law. 2015. No. 2 (50). P. 172 (in Russ.).
2. Andrusenko O.V. Systematization of the criminal legislation of the Russian Empire (the first half of the XIX century): dis. ... PhD in Law. Yekaterinburg, 2000. Pp. 23–25 (in Russ.).
3. Annars E. The History of European Law / ed. by V.N. Shenaev; transl. from Swedish by R.N. Valinsky, A.M. Volkov, M.A. Isaev, T.L. Shenyavskaya. M., 1994. Pp. 254, 255 (in Russ.).
4. Archimandrite Augustine. Ignatius Fessler (1756–1839) – philologist, philosopher, theologian // Proceedings of the Department of Theology of the St. Petersburg Theological Academy. 2018. No. 1 (2). P. 182 (in Russ.).
5. Bezverkhov A.G., Korostelev V.S. Draft Criminal Code of the Russian Empire of 1813. Samara, 2013. Pp. 12, 13 (in Russ.).
6. Bentham I. The basic principles of the Criminal Code // Selected works. Jeremiah Bentham: in 2 vols. St. Petersburg, 1867. Vol. 1. P. 473 (in Russ.).
7. Galperin G.B. The main directions in the field of codification of Russian law at the beginning of the XIX century (1801–1802) // Herald of the Leningrad University. Ser.: Economics. Philosophy. Law. 1960. Iss. 1. No. 5. P. 134 (in Russ.).
8. Dudyrev F.F. Codification of the criminal legislation of the Russian Empire in the XVIII – early XX century. Yekaterinburg, 2011. Pp. 75, 77, 78 (in Russ.).
9. Esipov V.V. An essay on Russian Criminal Law. The Part Is Common. Crime and criminals. Punishment and the punished. Warsaw, 1894. P. 44 (in Russ.).
10. Zhuk M.S. The doctrine of the institutions of Russian Criminal Law: conceptual foundations and prospects of development. M., 2013. P. 209 (in Russ.).
11. Legislation of Catherine I and Peter II / comp. V.A. Tomsinov. M., 2004. P. 43 (in Russ.).
12. Legislation of Catherine II: in 2 vols. M., 2000. Vol. 1. P. 69 (in Russ.).
13. Legislation of Empress Anna Ioanovna / comp. and the author of the intro. article V.A. Tomsinov. M., 2009. P. 76 (in Russ.).
14. Legislation of Peter I. M., 1997. P. 749 (in Russ.).
15. Notes on the life and service of Alexander Ilyich Bibikov, his son Senator Bibikov. M., 1865. P. 56 (in Russ.).
16. Ilidzhev A.A. A Special part of Criminal Law as a reflection of the criminal policy of the Russian state // Herald of the Kazan legal institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. Vol. 14. No. 1 (51). Pp. 67–75 (in Russ.).
17. Kabriak R. Codifications / transl. from French and the intro. article by L.V. Golovko. M., 2007. P. 362 (in Russ.).
18. Karamzin N.M. Notes on ancient and new Russia in its political and civil relations. M., 1991. Pp. 90, 91 (in Russ.).
19. Karnovich E.P. On the new edition of the Complete Collection of Laws // Russian Antiquity. 1874. Vol. 10. Books 5–8, May–August. P. 416 (in Russ.).

20. *Kasso L.A.* On the history of the Code of Civil Law. St. Petersburg, 1904 (in Russ.).
21. *Kodan S.V., Taraborin R.S.* The failed codification of the civil legislation of Russia. 1800–1825. Yekaterinburg, 2002. P. 13 (in Russ.).
22. *Konyakhin V.P.* Theoretical foundations of the construction of the General part of Russian Criminal Law. SPb., 2002. P. 39 (in Russ.).
23. *Korf M.A.* The life of Count Speransky. St. Petersburg, 1861. Vol. 1. Part 1, 2. Pp. 147, 148 (in Russ.).
24. *Latkin V.N.* Legislative commissions in Russia in the XVIII century. Historical and legal research. St. Petersburg, 1887. Vol. 1. P. 14 (in Russ.).
25. *Latkin V.N.* Lectures on the history of Russian law, delivered at the Imperial College of Jurisprudence. St. Petersburg, 1912. Pp. 276, 277, 295, 300, 301 (in Russ.).
26. *Latkin V.N.* Textbook of the history of Russian law of the Empire period (XVIII and XIX centuries). St. Petersburg, 1909. Pp. 49, 51, 59 (in Russ.).
27. Opinion of Minister Troshchinsky // Readings in the Imperial Society for the History and Antiquities of Russia at Moscow University. Time-based edition of 1859. July–September. Book 3. Pp. 20, 21 (in Russ.).
28. *Muromtsev G.I.* On the cultural and historical specifics of Russian codifications // Codification of legislation: theory, practice, technique. N. Novgorod, 2009. Pp. 73–91 (in Russ.).
29. The mandate of Empress Catherine II, given to the Commission on the composition of the draft of a new code / ed. by N.D. Chechulin. St. Petersburg, 1907 (in Russ.).
30. *Polenov D.V.* Legislative Commission under Peter II. 1728 // Collection of the Russian Historical Society. St. Petersburg, 1868. Vol. 2. P. 405 (in Russ.).
31. *Polenov D.V.* Historical information about the Catherine Commission for the composition of the draft of the new Code. Ch. I. St. Petersburg, 1869. P. XX (in Russ.).
32. *Popov N.* Ignatius-Aurelius Fesler. Biographical sketch // Herald of Europe. 1879. No. 12. P. 587 (in Russ.).
33. *Pypin A.N.* Bentham's Russian relations // Herald of Europe. 1869. No. 2–4 (in Russ.).
34. *Sergeevsky N.D.* Drafts of the Criminal Code of 1754–1766. St. Petersburg, 1882. P. 37 (in Russ.).
35. *Solovyov S.M.* The history of Russia since ancient times. M., 1994. Book XIV. Vol. 27. P. 71 (in Russ.).
36. *Solodkin I.I.* Essays on the history of Russian Criminal Law. L., 1960. Pp. 7, 15, 17, 18 (in Russ.).
37. *Speransky M.M.* Review of historical information about the Vault laws. St. Petersburg, 1833. Pp. 14, 15, 17, 18, 21, 24, 27, 28, 53, 54, 56–59 (in Russ.).
38. *Speransky M.M.* Excerpt on the Commission of the Code // Speransky M.M. Projects and notes / ed. by S.N. Valka. M. – L., 1961. Pp. 21, 26, 27 (in Russ.).
39. *Taraborin R.S.* Systematization of the civil legislation of the Russian Empire: the first half of the XIX century: abstract ... PhD in Law. Yekaterinburg, 2002. P. 13 (in Russ.).
40. *Tomsinov V.A.* Legislation of Empress Catherine II: 1762–1782. Comments // The legislation of Emperor Peter III: 1761–1762. The legislation of Empress Catherine II: 1762–1782 / comp. and the author of the intro. article V.A. Tomsinov. M., 2011. Pp. XXV–XXXII (in Russ.).
41. Criminal Law. General part / ed. by V.N. Petrashev. M., 1999. P. 9 (in Russ.).
42. Criminal Law of Russia. The General part. SPb., 2006. P. 229 (in Russ.).
43. Criminal Law of Russia. Special part / ed. by A.I. Rarog. M., 2008. P. 10 (in Russ.).
44. *Feldshtein G.S.* The main trends in the history of the science of Criminal Law in Russia. M., 2003. Pp. 248, 249, 251 (in Russ.).
45. *Foinitsky I. Ya.* Fraud in Russian law: in 2 parts. M., 2006. Ch. 1. Pp. 80, 81 (in Russ.).
46. *Shebanov A.F.* The Complete collection of laws of the Russian Empire // Proceedings of VYUZI. M., 1970. Vol. XIV. P. 279 (in Russ.).
47. *Shcherbatov M.M.* On the damage of morals in Russia // Russkaya starina. 1870. Book II. P. 105 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЧУЧАЕВ Александр Иванович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий сектором уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

CHUCHAEV Aleksandr I. – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenska str., 119019 Moscow, Russia